

Стражи обладают обостренным восприятием и превыше всего ценят тишину, а реанимационное отделение больницы было настолько безмолвным, словно застоявшееся болото. Лишь тихий скрип колес инвалидного кресла нарушал гнетущую тишину коридора. Давящая, удушливая атмосфера окутала пространство перед дверью в операционную. Си Чу, еще несколько дней назад полный сил и энергии, сейчас напоминал высохшую травинку; его пустой, остекленевший взгляд был прикован к горячей красной лампе над входом. Его ментальный зверь, чехословацкая волчья собака, полуживой лежал у ног, прижав уши и поджав хвост.

Родители семьи Си находились за границей и уже мчались обратно, так что Сяо Чэньюнь был единственным близким человеком, оставшимся рядом с Си Чу.

— Сяо Чу. — Мягкий, теплый голос вернул парня в реальность. Его пустые глаза медленно сфокусировались, голос прозвучал хрипло, срывающимся на плач: — Дядя... Дядя!

Он бросился к Сяо Чэньюню, уткнувшись ему в колени, и сквозь слезы прошептал:

— Когда брата завезли внутрь, врач велел мне готовиться к худшему... Неужели... неужели он не выживет?

Сяо Чэньюнь наклонился и бережно обнял Си Чу за плечи. Его длинные, мягкие черные волосы скользнули вниз, скрывая лицо. Он погладил колючие короткие волосы стража, утешая:

— Все будет хорошо, не бойся.

Волчья собака, собрав последние силы, поднялась и, понуро опустив голову, подошла, чтобы лизнуть Си Чу в щеку.

Вскоре в больнице появились Е Фэйжань и секретарь отца Си Чу. У Е Фэйжана за спиной проступили длинные, яркие кроющие перья, кончики которых напоминали сине-зеленые глаза. Ему пришлось расстегнуть молнию на брюках у основания позвоночника, чтобы выпустить своего ментального зверя, чью форму он не мог контролировать из-за сильного волнения.

Его глаза покраснели, он молча взял Си Чу за руку. Секретарь же почтительно склонил голову перед Сяо Чэньюнем:

— Председатель, господин Си Чу, мы связались с тремя проводниками S-класса, они уже в пути. Белая Башня и Профсоюз также активно ищут высокоуровневых проводников для господина Си Ди. Пожалуйста, берегите себя.

Жизни стражей чаще всего угрожают не физические раны — их невероятная регенерация способна творить чудеса, возвращая с того света. По-настоящему смертельными для них становятся ментальные травмы. Вопрос жизни и смерти заключался в том, удастся ли найти высокоуровневого проводника с высокой степенью совместимости, чтобы восстановить разрушенное ментальное поле Си Ди.

— Хорошо, — ответил секретарь и прикрыл дверь.

Видя его решимость, остальные перестали настаивать, но состояние Сяо Чэньюня стремительно ухудшалось. Прошло всего семь-восемь минут, а его дыхание стало тяжелым и прерывистым, грудь начала вздыматься, а румянец на щеках расплзся до самой шеи.

Горячий пот застилал глаза, ресницы слиплись от влаги. Сяо Чэньюнь смахнул капли со лба, пытаясь сфокусироваться на именах в списке контактов, но вдруг боковым зрением уловил в углу нечто странное. Он вздрогнул от неожиданности и обернулся: в палате невесть откуда взялась черная собака ростом в два метра, которая пристально следила за ним.

— Погоди, Си Ди, с... — его перегретый мозг затормозил, он чуть было не выпалил «когда Си Ди умрет», но вовремя осекся. — ...разбуди меня, когда появятся новости.

— Дядя, иди отдохни, — сказал Си Чу с покрасневшими глазами. — Ты плохо себя чувствуешь, мы с Фэйжанем здесь справимся.

Секретарь не был ни стражем, ни проводником — обычный человек. Но поскольку оба сына его босса были стражами, он был прекрасно осведомлен об особенностях этих людей. Состояние Сяо Чэньюня было пугающе похоже на брачный гон, но... разве вице-председатель не лишился ментальных сил в детстве, когда его похитили и всю зиму продержали в ледяной воде? Даже его ментальный зверь исчез — откуда взяться гону?

К тому же, для гона проводника нужен страж с высокой совместимостью, который мог бы его спровоцировать. Откуда ему здесь взяться?

Ключевым признаком гона были определенные физические изменения... Секретарь украдкой взглянул на нижнюю часть живота Сяо Чэньюня — там все было ровно, никаких признаков возбуждения.

— Может, вы заболели и стоит прилечь?

После нескольких приступов головокружения Сяо Чэньюнь твердо решил найти комнату отдыха. В конце концов, какая разница, как идет сюжет, если его собственная жизнь под угрозой? Секретарь, не задавая лишних вопросов, профессионально оформил документы на отдельную палату, помог Сяо Чэньюню лечь и поспешил обратно в реанимацию.

Лишь услышав слова секретаря, Сяо Чэньюнь осознал, как невыносимо жарко ему стало — от этого зноя мысли ворочались с трудом.

— ...Все нормально, — Сяо Чэньюнь отмахнулся, придерживаясь за лоб. Он не мог уйти: по сюжету книги он должен был оставаться рядом с Си Чу до самого известия о смерти Си Ди.

— Хм? — Сяо Чэньюнь вопросительно посмотрел на него и только сейчас заметил, что машинально расстегнул две пуговицы на воротнике, обнажив ключицы, а его пальцы уже тянулись к третьей. Его болезненному телу вредил любой холод, поэтому обычно он кутался в одежду как можно плотнее, и эта небрежность выглядела крайне странно.

Сяо Чэньюнь знал финал этой ночи, но не подал виду. Секретарь взглянул на него и удивленно спросил:

— Председатель, вам очень жарко?

— Нет, — отрезал Сяо Чэньюнь. — Дядя останется с вами.

Лежа в кровати, Сяо Чэньюнь не сразу провалился в сон. Он проклинал это никчемное тело, доставшееся ему после перемещения, и с трудом открыл терминал, чтобы позвонить администратору, который преспокойно спал у него дома.

Нет, это была не собака. Длинная узкая морда, хищный блеск в глазах — перед ним стоял взрослый волк. Когда зверь медленно вышел из тени, Сяо Чэньюнь заметил его необычный вид: морда была разделена пополам: левая часть серо-белая, правая — угольно-черная. Идеальный «инь-ян», словно кто-то грубо сшил половинки белого и черного волков.

В серой половине сверкал синий звериный глаз, в черной — золотой. При этом тело волка было покрыто густой, блестящей черной шерстью. Мышцы на лапах и животе были сухими, но мощными, полными взрывной силы. Сяо Чэньюнь не сомневался, что этот зверь мог бы разорвать его на куски за секунду.

Девяносто процентов животных в больнице для спецов были ментальными зверями. Звери проводников чаще всего были мирными травоядными или всеядными, а у стражей — хищниками. Этот волк явно принадлежал кому-то из стражей.

Непонятно было лишь то, как он попал в комнату отдыха, ведь Сяо Чэньюнь был уверен, что секретарь проверил все замки на окнах.

Черный волк надвигался угрожающе, в его глазах читалась жадность и ярость хищника. Тяжелые лапы ступали по плитке, казалось, еще миг — и он вцепится в горло Сяо Чэньюню.

Сяо Чэньюнь, не раздумывая, потянулся к кнопке вызова у кровати, но к его ужасу, ни кнопки, ни самой кровати не оказалось. Он сидел посреди пустоты, окруженный лишь этим волком.

Мистическая сцена заставила его запаниковать лишь на мгновение. Вскоре он понял, что это связано с ментальным пространством стража или проводника: его тело осталось в палате, впав в транс, а сознание было затянута в это странное место.

Хуже всего было то, что даже в ментальном пространстве его ноги оставались

парализованными.

Волк не дал ему времени на раздумья. Издав утробный рык, он оскалил клыки и припал на задние лапы, готовясь к прыжку. Сяо Чэньюнь не стал медлить: из-за его спины из ниоткуда появился олень, чьи плечи были вровень с сидящим человеком. Его гордо поднятую голову венчали золотисто-коричневые ветвистые рога, острые и длинные.

Это был ментальный зверь Сяо Чэньюня: олень неизвестной породы, словно сошедший со страниц мифов.

Едва появившись, олень властно заслонил собой хозяина, опустил голову, демонстрируя волку свои твердые острые рога, призывая не приближаться.

Волк не испугался. С рыком он бросился вперед, целясь клыками в длинную шею оленя. Тот не остался в долгу: резко дернув головой, он поддел волка рогами под живот, одновременно нанеся удар копытом по голове зверя.

Сяо Чэньюнь не хотел оказаться в гуще этой схватки, но и ползать по земле, теряя достоинство, не желал. К счастью, волк оказался не таким грозным, как казалось: после короткой стычки олень быстро прижал его к земле. Волк перевернулся на спину, подставив мягкое брюхо и жалобно скуля, как щенок.

Этот скулеж явно польстил оленю. Он свысока посмотрел на поверженного противника, прикрыв глаза густыми ресницами, а затем, снизойдя до милости, опустил голову и принялся к волку. Тот поспешно повернул морду, втягивая воздух, и коснулся носом шеи оленя.

Из соображений секретности Сяо Чэньюнь никогда не показывал своего зверя никому, кроме администратора. Возможно, этот волк был первым, с кем его олень контактировал, так что любопытство было закономерным.

Животные долго обнюхивали друг друга, а затем, словно достигнув соглашения, волк вильнул хвостом и передними лапами легонько потоптался на груди оленя. Олень опустил рядом и принялся вылизывать черную шерсть на голове волка, взлохмаченную в драке. Волк блаженно прикрыл глаза, ласкаясь мордой к щеке оленя. Тот пытался отклониться, но, не сумев избежать ласки, позволил волку оставить на себе его запах, а затем сам принялся неспешно покусывать его уши.

По мере того как олень продолжал свои действия, жар в теле Сяо Чэньюня начал быстро спадать, сменяясь всепоглощающей усталостью. Казалось, он три дня брел по пустыне — жажда была невыносимой, не хотелось даже пошевелить пальцем. Сяо Чэньюнь окончательно потерял терпение к этому больному телу и мечтал лишь об одном — чтобы сюжет поскорее дошел до финала, избавив его от этих мучений.

Неизвестно когда, но он провалился в забытие. Когда секретарь разбудил его, он чувствовал себя выжатым досуха: слабость, ломота во всем теле, пульсирующая боль в висках.

— Лампа в реанимации погасла, — поспешно сказал секретарь.

Сяо Чэньюнь, преодолевая головокружение, поправил помятую одежду. Отдых не принес облегчения, состояние стало еще хуже. Из-за спешки он не стал рассказывать секретарю о том, что произошло в палате, и молча позволил отвезти себя обратно.

Проходя мимо зеркальной витрины, Сяо Чэньюнь случайно взглянул на свое отражение и поразился: вид у него был такой, будто из него выпили все жизненные силы — даже после трех суток без сна человек не выглядел бы так ужасно.

Что произошло?.. Сяо Чэньюнь, не слишком глубоко погруженный в лор этого мира, был в полном замешательстве.

Он вернулся как раз вовремя: дверь операционной открылась, и врач, сняв маску, вышел в коридор с изможденным видом. Вокруг собралось много незнакомых проводников, прибыли родители Си Чу.

По сюжету книги врач должен был с сожалением сообщить, что они сделали все возможное, Си Чу должен был впасть в истерику, а Сяо Чэньюнь — утешить его словами о смирении перед судьбой.

Странно, но сейчас врач, несмотря на усталость, едва заметно улыбался:

— Жизненные показатели пациента стабилизировались, он вне опасности. Сейчас мы переведем его в реанимацию...

Сяо Чэньюнь:

— Прими мои соболе...

Сяо Чэньюнь:

— ?

<http://bllate.org/book/22327/2338530>